ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCLXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1883.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Вопросъ о пьянствѣ, о которомъ такъ много и долго говорено было въ литературѣ, снова становится предметомъ общественнаго вниманія. Опубликованы заключенія комиссій по питейному вопросу, въ которыхъ концентрируются различныя мнѣнія относительно количества и рода потребленія вина въ Россіи и относительно вліянія этого потребленія на экономическое положеніе и нравственность народа.

Воззрѣнія членовъ комиссіи по всѣмъ подробностямъ обширнаго и сложнаго вопроса можно почти отождествить съ воззрѣніями вообще русскаго общества по этому предмету. Члены комиссіи хотя и состояли изъ чиновниковъ, земцевъ и представителей городовъ, но всѣ они и по своему рожденію, воспитанію, условіямъ жизни представляютъ собою нѣчто однородное, принадлежатъ къ общему типу русскаго культурнаго человѣка. Это соображеніе имѣетъ большое значеніе при обсужденіи заключеній комиссій, потому что даетъ ключъ къ уразумѣнію основаній многихъ изъ этихъ заключеній. Мнѣнія общества, среди котораго мы живемъ, каждому изъ насъ хорошо извѣстны, и мы, такимъ образомъ, легко можемъ разбираться въ тѣхъ выводахъ, которые являются слѣдствіемъ обращающихся среди насъ понятій и представленій о нашей дѣйствительности.

Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію заключеній комиссій по питейному вопросу, взглянемъ на ходячіе въ обществѣ взгляды относительно пьянства въ Россіи и отнесемся къ нимъ критически, чтобы выяснить, какіе изъ нихъ болѣе или менѣе безошибочны, какіе составляютъ послѣдствія заблужденій или одностороння́го увлеченія. Сдѣлать это мы считаемъ крайне необходимымъ въ виду того, во-первыхъ, что научныя изслѣдованія послѣдняго времени по вопросамъ народной жизни указали, что наши представленія о томъ, что дѣлается въ деревнѣ, далеко расходятся съ дѣйствительностію, и, во-вторыхъ, что вся лите-

ратура собственно по вопросу о пьянствѣ, предшествовавшая появленію свода заключеній комиссій, вмѣщаетъ въ себѣ множество противорѣчивыхъ фактовъ, разнородныхъ мнѣній, что, конечно, должно было отозваться такъ или иначе на заключеніяхъ комиссій. Сдѣлавъ это, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ и ту точку зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ приступать къ детальному разбору заключеній комиссій.

Рѣшенія множества вопросовъ русской жизни страдаютъ отъ неправильной ихъ постановки, что зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ незнанія подробностей народной жизни, такъ еще мало изслѣдованной, и вслѣдствіе того, что зачастую, къ объясненію явленій деревенской жизни, мы подходимъ съ предвзятымъ мнѣніемъ. Подобное обращеніе съ дѣломъ иногда доводитъ до крайне извращенныхъ представленій о дѣйствительности. Зачастую выводы изъ этихъ представленій поражаютъ своею нелѣпостью, но, несмотря на это, нелѣпость ни кѣмъ не замѣчается и повторяется на всѣхъ перекресткахъ, какъ нѣчто такое, въ чемъ ничего будто бы нѣтъ страннаго. Такихъ странныхъ мнѣній въ вопросѣ о народномъ пьянствѣ въ особенности много. Не очистивъ отъ нихъ вопроса, рѣшительно нельзя приступить къ какимъ-либо сужденіямъ о немъ. Посмотримъ на главнѣйшія изъ нихъ.

Въ такой-то губерніи, пишутъ въ разныхъ газетахъ, «крестьяне выпили на 2 мил. р. водки, а количество недоимокъ за ними нетолько не убавилось, но увеличилось». Затѣмъ слѣдуетъ толкованіе этого факта, сводящееся на распущенность нравовъ, слабость характера, и проч. Однимъ словомъ здѣсь, прежде какихъ бы то ни было анализовъ факта, «недоимки не уплачены, а выпито на 2 мил. р.—стоитъ уже готовая гипотеза: объ исконной будто бы наклонности русскаго народа къ *неумѣренному* потребленію вина. Здѣсь, слѣдовательно, берется не просто фактъ потребленія вина, а *дурная сторона* дѣла: *неумѣренность* въ этомъ напиткѣ, и вслѣдствіе этого, всякій фактъ потребленія вина въ деревнѣ, связывается съ представленіемъ о неумѣренности и сопровождающихъ ее послѣдствій. Только съ этой точки зрѣнія фактъ и обсуждается; а о другихъ сторонахъ и рѣчи не заводится, какъ будто бы ихъ и не должно существовать. Однимъ словомъ, для деревни нѣтъ факта *потребленія вина*, а существуетъ только фактъ *пьянства*.

Между тѣмъ фактъ потребленія вина культурнымъ классомъ городского общества обсуждается уже съ другой точки зрѣнія. Водка и вино, выпиваемыя здѣсь за обѣдомъ, считаются ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнаго рода пищею, разсматриваются одинаково съ мясомъ, рыбою, перцемъ, горчицею и другими веществами, входящими въ составъ кушаній. Затѣмъ, фактъ потребленія вина на публичныхъ обѣдахъ, на торжествахъ общественныхъ и семейныхъ разсматривается тоже съ такой точки зрѣнія, при которой нѣтъ мѣста тѣневымъ сторонамъ дѣла.

Но если тѣ же люди, по понятіямъ которыхъ обѣдъ въ честь какого-либо событія невозможенъ безъ заздравныхъ тостовъ, начинаютъ выражать свои сужденія по поводу престольнаго или иного праздника въ деревнѣ, такъ точка зрѣнія мгновенно измѣняется. Потребленіе уже признается роскошью, непозволительною крестьянству, безнравственностью, подлежащею искорененію.

Между тѣмъ, какіе выводы получились бы, еслибы дѣло о потребленіи вина крестьянствомъ разсматривалось съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, съ которыхъ глядимъ мы на рюмку водки и стаканъ вина за нашимъ обѣдомъ и на бокалы шампанскаго, осушаемые въ торжественныхъ случаяхъ? Мы бы пришли тогда къ заключенію, что рюмка водки, выпитая за обѣдомъ рабочимъ человѣкомъ, только дополняетъ его обѣдъ, является составною частью его пищи, поддерживающею его силы, и, такимъ образомъ, 365 рюмокъ, выпитыхъ въ теченіи года, отнюдь не роскошь, а настоятельная необходимость. Такимъ образомъ, его расходъ около $1^1/_2$ ведра въ годъ, т. е. 9 р. [1], есть расходъ столь же необходимый, какъ и расходъ на хлѣбъ, рыбу, мясо, овощи, квасъ.

Но эти 9 р. крестьянинъ расходуетъ на вино не ежедневно по рюмкамъ, а разъ шесть-семь въ году, по случаю праздниковъ—престольнаго и нѣкоторыхъ семейныхъ, потребляя каждый разъ $^1/_6$ или $^1/_7$ годового количества не одинъ самъ съ собою, а съ гостями-однодеревенцами и пріѣзжими изъ другихъ деревень. И этотъ видъ потребленія вина ставится деревнѣ въ порокъ, между тѣмъ какъ—попробуйте представить себѣ въ городѣ публичный обѣдъ по случаю какого-либо важнаго событія, семейный праздникъ, торжественный балъ въ палаццо—безъ нѣсколькихъ дюжинъ шампанскаго? Да это просто немыслимо, это скандалъ!

Но гдѣ же, спросимъ мы, въ городѣ ли или въ деревнѣ болѣе необходимъ праздникъ съ виномъ? Образованный ли и зажиточный горожанинъ, у котораго есть книги, живопись, музыка, театры и прочія развлеченія, нуждается въ возбужденіи своихъ нервовъ виномъ, или человѣкъ деревни, въ которой все сѣро, въ которой только работа, работа и работа, и больше ничего? Если въ городѣ *выпивка-кутежъ* нѣсколько разъ въ году законна и расходъ на нее есть настоятельная необходимость, то и въ деревнѣ этотъ расходъ представляется столь же безусловною необходимостью.

Итакъ, еслибы каждый взрослый крестьянинъ-работникъ пилъ бы по рюмкѣ вина ежедневно, потребляя на это $1^1/_2$ ведра въ годъ и, кромѣ того, покупалъ бы еще 3 ведра на угощеніе себя и гостей разъ шесть-семь въ году, то трата имъ денегъ на $4^1/_2$ ведра въ годъ составляла бы столь же законный и необходимый расходъ, какъ расходъ на пищу, одежду, жилище.

Кажется, всѣ у насъ признали бы нелѣпостью, еслибы кто-

[1] Принимая цѣнность ведра въ распивочной продажѣ maximum въ 6 р.

либо заявилъ, что работника выгодно держать впроголодь; каждый знаетъ, что работа безъ пополненія траты организма невозможна; ни одному хозяину лошади не придетъ въ голову утверждать, что малокормленный конь можетъ бѣгать такъ же, какъ и сытый. Слѣдовательно, невозможно возразить и противъ того, что рюмка водки, какъ дополненіе скуднаго крестьянскаго обѣда, составляетъ будто бы нѣкоторое излишество. Еслибы крестьяне имѣли обычай пить по рюмкѣ водки ежедневно, то навѣрное законодательство, при исчисленіи налоговъ, постаралось бы согласовать съ этою потребностью и размѣръ налоговъ.

Идемъ далѣе: человѣкъ не скотъ; для того, чтобы онъ могъ долго жить и много работать, нужно, кромѣ достаточной пищи, еще нѣчто иное, именно возбужденія, выводящія его время отъ времени изъ обычной колеи жизни. Безъ этихъ возбужденій человѣкъ гаснетъ, работа не спорится, пища не идетъ въ прокъ. Образованные люди хорошо сознаютъ у себя этого рода потребности и не жалѣютъ средствъ на ихъ удовлетвореніе. Расходы образованнаго человѣка на книги, общественныя собранія, музыку, театры и при всемъ этомъ на *вино* далеко превышаютъ расходы на пищу. Въ дни общественнаго затишья въ городѣ настроеніе духа образованныхъ людей бываетъ ненормальное, придавленное; каждый чувствуетъ себя вялымъ; обычная работа идетъ туго; все, такъ сказать, недомогаетъ. Но открывается рядъ общественныхъ сборищъ, и вы видите тѣхъ же людей совершенно преображенными. Но зачѣмъ вотъ этотъ ученый профессоръ, говоря рѣчь о пользѣ науки и просвѣщенія, держитъ въ рукѣ бокалъ вина? Зачѣмъ на торжествѣ спуска корабля, на севастопольскомъ обѣдѣ, полковомъ праздникѣ, на открытіи филантропическаго общества и проч. мы слышимъ заздравные тосты? Почему, наконецъ, какое либо чисто религіозное торжество, напримѣръ, закладка храма, начинаясь звуками колокола, заключается послѣ богослуженія, за трапезою—звуками заздравной чаши? Пускай попробуютъ отвѣтить на эти вопросы культурные жители города. Пускай остановятся они подольше на этомъ обстоятельствѣ и подумаютъ на тэму: о запрещеніи вина во всѣхъ общественныхъ сборищахъ. А затѣмъ мы попросимъ ихъ вниманія къ вопросу—необходимо ли крестьянскія свадьбы, крестины, похороны, престольные праздники и вообще изъ ряда вонъ выходящія событія—праздновать безъ вина, безъ годового расхода на это богатымъ рублей 20—30, кто побѣднѣе на половину противъ того, а бѣднымъ и того меньше.

Итакъ, съ этимъ расходомъ приходится считаться, какъ съ расходомъ на пищу и другими необходимыми расходами.

Но, говорятъ, праздникъ въ деревнѣ сопровождается *безобразіями* опьянѣвшаго люда. Люди ссорятся, бранятся, дерутся, убиваются до смерти; безобразія длятся нѣсколько дней; останав-

ливаются работы; изъ соединенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ — является въ результатѣ: потеря времени, несвоевременность вспашки, бороньбы, посѣва, уборки хлѣба, какъ у себя, такъ и у помѣщиковъ, и затѣмъ другой рядъ послѣдствій, отзывающихся на матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи семьи — болѣзни, семейные раздоры, ссоры съ сосѣдями, кончающіяся местью, поджогами, убійствами и проч. Картина, нечего говорить, тяжелая. Но вѣрна ли она дѣйствительности? Этимъ вопросомъ слѣдовало бы задаться, потому что въ сильномъ противорѣчіи съ картиною стоятъ слѣдующіе всѣмъ извѣстные факты. Лѣто у насъ короче, чѣмъ въ другихъ странахъ; земли у насъ пашется громадное количество, сравнительно съ другими государствами; обработывается она у насъ плохими ручными орудіями, а не улучшенными и не машинами, какъ на Западѣ; отношеніе пространства земли къ населенію у насъ иное, чѣмъ тамъ. Но, несмотря на все это, у насъ ежегодно и крестьянскіе надѣлы и цѣлыя герцогства помѣщичьихъ владѣній—запаханы, боронованы, сжаты, хлѣбъ по дурнымъ дорогамъ свезенъ на гумна, озимые посѣвы кончены, навозъ во всей сѣверной и средней Россіи вывезенъ на поля; мало этого—на безлюдныя степи Южной и Юго-восточной Россіи успѣли сходить изъ-за тысячи верстъ крестьяне, поуправившіеся съ своими землями, и тамъ ихъ руками приготовлены десятки милліоновъ пудовъ хлѣба для отправки за-границу. Чья, въ самомъ дѣлѣ, работа кормитъ часть западныхъ народовъ и наше собственное городское и фабричное населеніе, наше дворянство, духовенство и двѣ громадныхъ арміи—военную и чиновническую. Кто же чинитъ дороги, строитъ мосты, гати, возитъ подводы, исполняетъ многочисленнѣйшія повинности государственныя, земскія, мірскія; кто пугаетъ саранчу, собираетъ кузьку, выливаетъ овражковъ и проч., и проч.

Еслибы въ дѣйствительности происходило все такъ, какъ изображено на вышенарисованной картинѣ, то вѣдь въ нѣсколько лѣтъ не осталось бы въ деревнѣ ни одного здороваго и неискалѣченнаго человѣка. Еслибы на каждомъ праздникѣ убивался подъ пьяную руку хотя одинъ человѣкъ, то уже въ одинъ годъ число убитыхъ возросло бы до изумительной цифры, равной числу деревень въ Россіи, помноженному на число праздниковъ въ году; еще большее число оказалось бы искалѣченныхъ; пожаровъ было бы столько, что буквально вся Россія покрылась бы пепелищами; телеги, сбруя, сохи, бороны, лопаты, рабочій скотъ, птица—все это въ громадномъ количествѣ становилось бы жертвою пламени. Громадныя пространства оставались бы необработанными, такъ какъ некому, некогда и нечѣмъ ихъ было бы воздѣлывать.

Ясное дѣло, что для картины собраны факты, происходившіе *разновременно и въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а изобра-*

жены они на одномъ полотнѣ и отнесены, такимъ образомъ, къ одному мѣсту и времени.

Двумъ типамъ русскаго культурнаго общества такое живописное произведеніе оказалось весьма на руку: одному для доказательства, что мужикъ, получивъ волю, не умѣетъ ею пользоваться, другому, что этотъ дикарь нуждается въ просвѣщенной опекѣ. И вотъ, та и другая сторона повывѣшивали копіи съ этой картины на всѣхъ перекресткахъ; остальная часть городскаго населенія, съ издавна взирающая свысока на деревню, смотрѣла на картину, глумилась надъ диковинкой и льстилась такимъ нагляднымъ доказательствомъ своего превосходства надъ мужикомъ.

Поставленный невѣрно, искаженный предвзятыми гипотезами, неразработанный съ фактической стороны—вопросъ о потребленіи вина въ деревнѣ рѣшается крайне различно. Между тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на сколько-нибудь оріентироваться въ немъ есть уже достаточно данныхъ. Изученіе Россіи въ статистическомъ, экономическомъ, медицинскомъ и этнографическомъ отношеніяхъ даетъ именно такіе факты, систематическая разработка которыхъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на дѣло, и оно представляется уже совсѣмъ инымъ, чѣмъ изображено на картинѣ.

Первое, что мы встрѣчаемъ въ означенныхъ изслѣдованіяхъ народнаго быта, это—фактъ, удостовѣренный почти повсюду медиками: въ деревняхъ нѣтъ или очень мало болѣзней, происходящихъ отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, которыя составляютъ у насъ принадлежность только городовъ.

Второе, что весьма рѣзко бросается въ глаза, это то̀, что изъ результатовъ разработки цифръ «Ежегодниковъ» Министерства Финансовъ за 15-ти лѣтній періодъ времени 1863—1877 г. оказалось, что самый большой процентъ потребленія вина падаетъ на губерніи Петербургскую и Московскую; затѣмъ идутъ промышленныя и торговыя мѣстности, какъ-то: подмосковныя промышленныя, части Тульской, Нижегородской, Орловской и мѣстности, въ которыхъ находятся такіе города, какъ Таганрогъ, Ростовъ и т. п. Самая меньшая цифра потребленія вина тамъ, гдѣ преобладаетъ собственно земледѣльческая дѣятельность; но цифра эта замѣтно повышается въ тѣхъ частяхъ этихъ мѣстностей, гдѣ проходятъ желѣзныя дороги, судоходныя рѣки, каналы, гдѣ кипитъ и двигается торговля.

Средняя цифра потребленія вина въ городахъ и деревняхъ оказывается соотвѣтствующею результатамъ медицинскихъ наблюденій и изслѣдованій. Такъ именно въ городахъ одно питейное заведеніе приходится на 120 мущинъ, а въ селеніяхъ на 254.

Городское населеніе составляетъ не болѣе 10% всего насе-

ленія государства; а питейныхъ заведеній въ городахъ 69% всего ихъ числа.

Средняя цифра потребленія вина во всей Россіи за означенный пятнадцати-лѣтній періодъ времени 53 мил. ведеръ вина.

Изъ этой цифры приходится [1]:

На 7 мил. гор. населенія	16 м.
На 55 мил. сельск.	37 м.
Такимъ образомъ приходится на каждаго жителя города отъ.	2 до 3 вед.
и на каждаго сельскаго жителя	0,6
если же считать одно мужское населеніе деревни, то	1,2

Разсмотрѣніе цифръ выданныхъ патентовъ приводитъ къ тому же заключенію, что *въ городахъ пьютъ вина больше, нежели въ селеніяхъ*. Такъ изъ общей цифры:

патентовъ для всей Россіи . .	139,308
на города приходится	28,960
» селенія	110,348

т. е. на города 20%, а въ нихъ живетъ лишь 10% всего населенія Россіи.

Выводы изъ цифръ «Ежегодниковъ» Мин. Фин. о количествѣ потребленія вина въ селеніяхъ находятъ подтвержденіе въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ на мѣстѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Такъ изъ цифръ потребленія вина въ Петербургѣ въ 1877 г. видно, что въ этомъ году въ Петербургѣ продано 2.244,000 вед. водки
и 4.141,000 » пива

На каждаго жителя слѣдовательно
приходится . . . . 3 » водки
и. . . . . $5^1/_2$ » пива

Затѣмъ изъ доклада Е. Н. Анучина Императорскому Русскому Географическому Обществу, въ декабрѣ 1882 г., оказывается, что у государственныхъ крестьянъ Бузулукскаго уѣзда на каждую семью и на каждаго человѣка, считая сплошь все населеніе мужское и женское, взрослое и малолѣтнее, приходится:

	На одну семью.	На 1 человѣка.
	Ведра.	
Въ зажиточныхъ семьяхъ.	12,31	1,23
» среднихъ	4,74	0,68
» бѣдныхъ	1,46	0,30
Среднее .	6,17	0,74

Третье, что тоже рѣзко бросается въ глаза и на что, при обсужденіи вопроса о пьянствѣ, почти не обращалось вниманія,

[1] Этотъ разсчетъ сдѣланъ, принимая 400 ведеръ для одного питейнаго заведенія въ городахъ и селеніяхъ.

это то, что въ то время, когда масса деревенскаго населенія положительно не пьетъ ни капли вина, оно во 1-хъ, не переводится у волостного писаря и служилыхъ людей при волости; во 2-хъ, все, что купечествуетъ, кулашничаетъ, агентствуетъ въ деревнѣ, держитъ постоянно вино и подноситъ его заѣзжему и мѣстному начальству, городскимъ гостямъ, разнымъ нужнымъ людямъ и кутитъ съ ними; въ 3-хъ, все, что ютится въ деревнѣ, не принадлежа къ составу ея главнаго рабочаго населенія, какъ-то разные подонки городского населенія, ловящіе въ мутной водѣ рыбу, все это пьетъ вино и часто, и много; въ 4-хъ, гости, прибывшіе изъ городовъ на побывку, на отдыхъ, на свиданіе съ родными, приходятъ въ деревню именно на время праздниковъ, гдѣ и отводятъ душу; въ 5-хъ, есть кромѣ того въ деревнѣ одинъ, два человѣка изъ бывшихъ домохозяевъ, павшихъ подъ ударами судьбы и запившихъ горькую. Они *иногда* тоже постоянные потребители вина, въ то время, когда масса деревенскаго населенія не беретъ его въ ротъ.

Вотъ люди всѣхъ этихъ категорій зачастую и подставляютъ подъ глаза проѣзжему чрезъ деревню человѣку извѣстнаго рода картинки, изъ которыхъ потомъ онъ составляетъ одно, цѣлостное впечатлѣніе. Въ одной деревнѣ эту картинку дастъ волостная изба; при проѣздѣ черезъ другую, можно наткнуться на валяющагося пьянчугу изъ бывшихъ городскихъ мазуриковъ; въ третьей застать угощенныхъ мѣстнымъ кулакомъ нужныхъ ему людей; въ четвертой прибывшихъ на побывку изъ городовъ дворниковъ, кучеровъ, трактирныхъ половыхъ, ремесленниковъ, разносчиковъ и проч. Во время праздниковъ всѣ эти категоріи пьющихъ выступятъ еще ярче; къ нимъ примкнутъ ватаги помѣщичьихъ *наемныхъ* рабочихъ, батраковъ и слугъ. Сложившееся у культурнаго русскаго человѣка представленіе о безобразіяхъ, сопровождающихъ деревенскіе праздники—значительно обязано поведенію людей этихъ категорій. Численность людей этихъ категорій увеличивается, конечно, въ торговыхъ селахъ, въ деревняхъ, лежащихъ на пересѣченіи желѣзныхъ дорогъ и у пристаней, въ селеніяхъ, жители которыхъ работаютъ на фабрикахъ и, наконецъ, въ подгородныхъ деревняхъ. А эти-то именно селенія и мѣстности больше всего и попадаются на глаза путешественниковъ, туристовъ, чиновниковъ, ѣдущихъ по дѣламъ службы; въ сторону же отъ главныхъ путей сообщенія, въ захолустья у насъ обыкновенно весьма мало заглядываютъ. Вообще, попадающія въ газеты вѣсти о крестьянской жизни большею частію идутъ изъ торгово-промышленныхъ деревень.

Совокупность этихъ данныхъ говоритъ, что въ массѣ крестьянства нѣтъ того пьянства, которое нарисовалось въ воображеніи большинства культурнаго русскаго общества. Даже если принять, что оффиціальныя цифры, послужившія для опредѣленія количествъ потребляемаго вина ниже дѣйствительныхъ, такъ

какъ въ продажѣ находится и корчемное вино, то и тогда дѣло мало измѣняется. Положите, что корчемнаго вина выпивается столько же, сколько и некорчемнаго, и вы будете имѣть, что на каждаго мужчину въ деревнѣ приходится 2,4 ведра.

Приведенная выше цифра потребленія вина выведена огульно для всей Россіи; а между тѣмъ въ разныхъ городахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ потребленіе вина неодинаковое. Выше было указано, что въ городахъ пьютъ больше, нежели въ въ деревняхъ. Это указаніе было сдѣлано на основаніи разсчетовъ, выведенныхъ изъ цифръ патентнаго сбора и числа питейныхъ заведеній въ разныхъ губерніяхъ. Если теперь возьмемъ цифры акциза въ «Ежегодникахъ», то и они даютъ тѣ же выводы. Изъ общаго питейнаго дохода—177 мил. рублей [1] на губерніи Петербургскую и Московскую приходится — на первую 8,685,756 руб., а на вторую 9,764,799 р. Такимъ образомъ на каждаго мужчину въ первой 9 р. 84 к., во второй 9 р. 26 к. Цифра акциза въ промышленныхъ и торговыхъ мѣстностяхъ 5 р. съ души, а въ Олонецкой, напримѣръ, губерніи только 1 р. 92 к. съ души, въ Самарской 1 р. 97 к., Оренбургской, Уфимской, Симбирской, Казанской, Новгородской, Вятской отъ 2 р. 14 к. до 2 р. 78 к.

Затѣмъ, взявъ самую деревню, имѣйте въ виду, что число ведеръ, потребляемыхъ массою населенія, не одинаково съ числомъ ведеръ, выпиваемыхъ аристократіей деревни и ютящимися въ ней и около нея проходимцами и разными несчастными людьми.

Подтвержденіе всѣмъ этимъ наведеніямъ мы находимъ въ упомянутомъ выше докладѣ г. Анучина Географическому обществу. Въ этомъ докладѣ мы встрѣчаемся съ цифрами уже *прямо на бумагу списанными съ показаній крестьянъ* въ каждой деревнѣ и соображенными съ другими мѣстными свѣдѣніями. Цифры эти удостовѣряютъ, что въ Бузулукскомъ, напримѣръ, уѣздѣ на все населеніе приходится 0,74 ведра, т. е. цифра, близко подходящая къ выведенной изъ «Ежегодниковъ» М. Ф.—огульно для всей Россіи. Затѣмъ изъ того же доклада видимъ, что въ богатой семьѣ на одного человѣка приходится 1,23 ведра, въ средней почти *полведра* (0,68), а въ бѣдной *одна треть* (0,30). Вся *семья* бѣднаго покупаетъ въ годъ только полтора ведра (1,46); семья средней зажиточности 4,74 ведра, а богатая 12,31 ведеръ. Но, приводя эту послѣднюю цифру, г. Анучинъ оговариваетъ ее слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Изъ этого однако же слѣдуетъ не то, *чтобы богатая семья пьянствовала*, но лишь то, что у нихъ потребленіе вина *равномѣрнѣе*».

Такимъ образомъ этотъ фактъ (наблюдавшійся г. Анучинымъ не въ одной деревнѣ, не мимоходомъ, а въ продолженіи *пяти*-

[1] По даннымъ 1873 г.

лѣтнихъ изслѣдованій въ Самарской губерніи) прямо говоритъ за тѣ взгляды, которые мы высказали въ началѣ нашей рѣчи, именно за то, что еслибы крестьянинъ пилъ по рюмкѣ въ день, потребляя на это 1 1/2 ведра въ годъ, и кромѣ того тратилъ не меньше этого въ праздники, то и тогда это не было бы пьянствомъ. Кромѣ того, г. Анучинъ отмѣчаетъ въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи еще слѣдующій фактъ: количество вина, показанное для богатой семьи, *не все потребляется исключительно членами семьи*, такъ какъ: во-первыхъ, значительная его часть, именно 6,82 ведра, расходуется въ праздники, слѣдовательно, идетъ на гостей часто изъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, какъ-то: торговцевъ, управляющихъ, писарей, а также на гостей, пріѣзжающихъ изъ города и другихъ деревень; перепадаетъ часть изъ этого количества вина и на долю малозажиточныхъ крестьянъ своей деревни; и, во-вторыхъ, часть изъ общаго количества вина, расходуемая при «помочахъ», выпивается приглашенными на «помочь» работниками. Вообще, при помочахъ и по поводу другихъ различныхъ случаевъ, расходуется зажиточными семьями 4,49 ведра; слѣдовательно, собственно на членовъ семьи въ теченіи года приходится *одно* ведро. Средняя семья расходуетъ на праздникахъ 3,29 ведра, по разнымъ случаямъ—1,45 ведра; въ осеннее время здѣсь уже не пьютъ дома. Бѣдная семья тратитъ въ праздники *одно* ведро, а по разнымъ случаямъ 0,46, слѣдовательно, въ бѣдной избѣ въ остальное время и въ заводѣ нѣтъ вина.

Вникнемъ въ эти данныя, которыхъ еще никто не давалъ изъ всѣхъ изслѣдователей и говоруновъ по питейному вопросу.

Средняя и богатая семьи расходуютъ покупаемое вино на угощеніе въ праздники торговцевъ, управляющихъ, писарей, гостей изъ другихъ деревень и изъ своихъ однодеревенцевъ, подносятъ его работникамъ, на помочахъ и проч. Раздѣлите же теперь, годовое количество *праздничнаго* вина на пять, на шесть, на семь частей, и каждую часть—на число наѣзжихъ и своихъ гостей, и затѣмъ рѣшайте: сколько при такомъ родѣ потребленія вина можетъ оказаться напившихся до самозабвенія?

Дѣлите затѣмъ количество вина, расходуемаго *на помочахъ и при другихъ случаяхъ*, на нѣсколько частей, minimum хоть на три, на четыре, и затѣмъ каждую изъ этихъ частей дѣлите на число работавшихъ на помочи, т. е. почти на все число работниковъ въ деревнѣ. Много ли должно оказаться пьяныхъ?

Кто же валяется по улицамъ деревни, дерется, безобразничаетъ, воруетъ, поджигаетъ, однимъ словомъ, даетъ наблюдателю тѣ позорные факты. изъ которыхъ составилась у нашего общества картина деревенскаго праздника, выше нами очерченная? Изъ всѣхъ данныхъ мѣстнаго, самаго кропотливаго изслѣдованія нѣтъ ни одной данной за правдивость картины и всѣ они прямо свидѣтельствуютъ за изложенныя выше указанія на то

ктò въ деревнѣ мало пьетъ, кто много пьетъ, кто изъ пьяныхъ безобразничаетъ.

Далѣе, расходы на двѣнадцать ведеръ вина въ богатыхъ семьяхъ, на четыре и три четверти ведра въ среднихъ, можно ли *считать одною изъ главныхъ причинъ недоимокъ?* Самый красноречивый отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать слѣдующими фактами изъ доклада г. Анучина Географическому обществу. Богатый дворъ имѣетъ до 20 головъ рабочаго скота, около 6 коровъ, съ 10-ю головами приплода, до 40 овецъ съ 30 ягнятами и проч.; вообще цѣнность его инвентаря простирается до 3,000 руб. Средній дворъ имѣетъ до семи головъ крупнаго скота съ соотвѣтствующимъ приплодомъ, до 15-ти овецъ и проч.—цѣнность его инвентаря до 700 р. Богатая и средняя семья, конечно, покупаютъ вино не по шкаликамъ, а потому здѣсь цѣнность ведра нельзя довести до 6 р., какъ это дѣлаютъ нѣкоторые вычислители крестьянскихъ расходовъ; полагаемъ, что оно покупается ведрами не дороже обыкновенной его цѣны; такимъ образомъ относительно расхода на вино, въ богатой семьѣ 40—50 руб. и около 15-ти рублей въ средней, нельзя и помыслить, какъ о расходѣ, имѣющемъ значеніе въ дѣлѣ платежа недоимокъ; при чемъ не забудьте, что это расходъ на *единственное въ деревнѣ удовольствіе*, и частію *какъ бы на плату за работу* (при помочахъ) *и за услуги при разныхъ случаяхъ* (писарямъ и тѣмъ и другимъ необходимымъ иногда людямъ).

Что касается до полутора ведра, покупаемаго *бѣдною семьею*, то, при рѣшеніи вопроса, какое вліяніе имѣетъ этотъ расходъ на накопленіе недоимки, приходится взять въ соображеніе многое изъ того, что обыкновенно упускается изъ виду. Такъ, напримѣръ, нужно имѣть въ виду, что подати и повинности раскладываются въ селеніяхъ на землю и платитъ ихъ больше тотъ домохозяинъ, который при передѣлѣ угодій беретъ себѣ больше полосъ; обѣднѣвшій, не имѣя силъ вести большого хозяйства, сдаетъ обыкновенно весь надѣлъ, или оставляетъ у себя самую незначительную его часть; такимъ образомъ онъ или ничего не платитъ, или платитъ сравнительно съ другими очень мало; а поэтому за нимъ или вовсе не можетъ числиться недоимки или же будетъ считаться сравнительно весьма незначительная. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва надѣловъ крайне плоха, а налоги высоки, т. е. когда нѣтъ расчета держать землю, общество *принуждаетъ* брать надѣлы. Здѣсь оплата податей производится уже изъ заработковъ у зажиточныхъ крестьянъ и у помѣщиковъ, вообще изъ заработковъ на сторонѣ. Въ мѣстностяхъ съ болѣе плодородною землею, гдѣ держать надѣлы выгодно, никто не приневоливается владѣть ими; здѣсь, въ случаѣ совершеннаго раззоренія крестьянина, онъ безпрепятственно можетъ сдать свой надѣлъ въ болѣе сильныя руки; здѣсь все ищетъ земли, арендуетъ ее за дорогія цѣны. Такимъ образомъ, здѣсь на бѣдномъ уже не можетъ быть недоимки. Ни-

гдѣ изслѣдованія крестьянской жизни не входили въ такія экономическія, хозяйственныя, сельскія подробности, какъ при изслѣдованіяхъ по общинному землевладѣнію. Вотъ изъ этихъ-то изслѣдованій мы знаемъ, что почти вездѣ, гдѣ крестьянинъ не владѣетъ полевымъ надѣломъ, онъ не несетъ никакихъ налоговъ и повинностей и обложенъ только сборомъ за пастьбу коровы и за пользованіе водою изъ колодца, если онъ не участвовалъ въ его устройствѣ. Изъ этого же изслѣдованія мы знаемъ, что владѣніе надѣломъ имѣетъ въ деревнѣ одну такую сторону, которая намъ, людямъ городскимъ, неизвѣстна, немыслима, неприложима въ нашемъ быту. Такъ именно мы, владѣя своимъ имуществомъ, распоряжаемся имъ безконтрольно и можемъ сегодня, завтра пустить по вѣтру все, что имѣемъ; здѣсь никто намъ не указъ. Въ сельской же общинѣ наоборотъ: *взявшій надѣлъ—тотчасъ становится подъ общественную опеку*. Такъ, напримѣръ, во всей сѣверной и средней Россіи, гдѣ земля мало плодородна, хозяинъ обыкновенно обязывается унаваживать свой надѣлъ; если общество замѣчаетъ, что хозяйственное положеніе двора растроивается, то тотчасъ же запрещаетъ домохозяину продавать свой скотъ, ограничиваетъ вообще его имущественныя распоряженія; дѣло иногда доходитъ до того, что онъ лишается права быть хозяйственнымъ главою двора и на его мѣсто ставится «большакомъ» въ семьѣ его братъ или сынъ. Зачастую эта опека простирается до *запрещенія покупать вино въ мѣстномъ кабакѣ*. Конечно, все это дѣлается въ такой деревнѣ, гдѣ надѣлы брать невыгодно, гдѣ люди приневоливаются къ владѣнію землею. Цѣль понятна: надобно не допустить дворъ до невозможности платить подати, отбывать повинности, и не поставить, такимъ образомъ, общество въ необходимость отвѣчать за раззорившихся. Вся система передѣловъ коренныхъ, частныхъ, переверстокъ и другихъ тонкостей дѣла разверстанія земли—сводится здѣсь къ тому, чтобъ каждый владѣлъ землею на столько, на сколько велика хозяйственная сила его двора; чтобы земля никѣмъ не доводилась до такого положенія, при которомъ она, доставшись по передѣлу другому хозяину, не была бы въ тягость послѣднему; чтобы вообще, въ концѣ концовъ, было менѣе шансовъ раззориться кому бы то ни было и сдѣлаться такимъ образомъ тягостью для цѣлой общины. Но вотъ, если какая-либо эпизоотія, или конокрадъ, или всесильный кулакъ, покровительствуемый писаремъ, лишили хозяина скота, если болѣзнь, смерть работника въ семьѣ и другія невзгоды раззорили въ конецъ человѣка и надѣлъ съ него снятъ и отданъ другому, а раззоренный перешелъ въ разрядъ безземельныхъ, то съ этого времени кончается и опека надъ нимъ общества; съ переходомъ въ безземельные крестьянинъ воленъ нести въ кабакъ все, что у него есть [1].

---

[1] Сборникъ матеріаловъ для изученія сел. позем. общины. Изд. императ орскихъ вольно-эконом. и русс. географ. обществъ. Т. I.

Мы могли бы привести еще больше обстоятельствъ, которыхъ не слѣдовало бы игнорировать при рѣшеніи вопроса: на сколько расходъ бѣднаго домохозяина (т. е. еще владѣющаго землею) на полтора ведра вина въ годъ вліяетъ на образованіе на немъ недоимки, но думаемъ, что достаточно и сказаннаго, чтобъ показать, *что это за вопросъ и какъ и съ чѣмъ нужно ознакомиться и сообразиться прежде его рѣшенія.* Добавимъ только, что вообще изученіе крестьянской жизни приводитъ къ заключенію, что недоимки въ земледѣльческихъ селеніяхъ образуются или вдругъ, главнымъ образомъ, во время неурожайныхъ годовъ, эпидемій, эпизоотій, или копятся постоянно годъ отъ году, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій. Потребленіе вина здѣсь не причемъ, потому что, какъ видѣли мы выше, масса богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ хозяевъ-землевладѣльцевъ пьетъ вообще немного, рѣдко и, въ противность общераспространенному мнѣнію, каждый разъ не до потери разума; что пока у крестьянина есть надѣлъ, общество стоитъ неусыпнымъ стражемъ надъ хозяйственною силою его двора и противодѣйствуетъ разстройству этой силы такими мѣрами, которыя неприменимы въ городскомъ быту.

Но кто же это пишетъ изъ деревень безчисленныя корреспонденціи о необходимости обузданія пьянства, устройства обществъ трезвости, введенія строгихъ мѣръ, осуществляемыхъ посредствомъ полиціи и ея органа волостного правленія, о праздничныхъ безобразіяхъ, о преступленіяхъ, порождаемыхъ пьянствомъ и проч., и проч. Какіе это жители деревень полны тѣхъ же иллюзій, какія нарисовало намъ наше воображеніе, вслѣдствіе нашихъ взглядовъ на деревню съ высоты птичьяго полета, соединенію на одну картину фактовъ разновременныхъ и разномѣстныхъ, и наконецъ, вслѣдствіе приложенія къ объясненію явленій крестьянской жизни такихъ, напримѣръ, предвзятыхъ мнѣній, которыя составились относительно мужика въ доброе старое время?

Одна категорія этихъ деревенскихъ корреспондентовъ— люди, хотя и скромные, но люди, глядящіе на все мужицкое особыми глазами; они очутились въ деревнѣ по большей части не по собственному желанію, а въ силу разныхъ обстоятельствъ. Скромность не мѣшаетъ гордости, а потому они, какъ, напримѣръ, разные управляющіе, учителя сельскихъ школъ, мѣстный причтъ, хотя и живутъ подлѣ избы и заходятъ въ избу, но душа ихъ никогда не единится съ жителями избы. Послѣдніе для нихъ люди чужіе, чуть-чуть не люди иной породы. Эти духовные аристократы болѣе горды, нежели всѣ мы, болѣе взыскательны, нежели становой и урядникъ; презрѣніе ихъ къ грубому неученому человѣку какое-то невольное, стихійное, а потому болѣе холодное, болѣе отдаляющее. Столкновенія съ грубой практикой жизни въ деревнѣ, отдающіяся за частую на

ихъ интересахъ, воспитываютъ въ нихъ что-то въ родѣ озлобленія противъ мужика. Такой типъ людей неспособенъ разглядѣть и надлежаще понять многое въ крестьянской жизни и склоненъ многое объяснить въ дурную сторону. И вотъ здѣсь дѣло кончается тѣмъ, что этотъ типъ людей не умѣетъ даже и говорить чистымъ русскимъ языкомъ, а объясняется на какомъ-то подъяческо-славянско-церковномъ говорѣ, чуждомъ и намъ, и крестьянину.

Этотъ типъ имѣетъ постоянное общеніе съ другимъ типомъ, тоже чуждымъ массѣ земледѣльцевъ, съ типомъ кулаковъ, міроѣдовъ, волостныхъ писарей и ихъ приспѣшниковъ. Половина людей изъ этого типа тоже поставляетъ часть корреспондентовъ въ газеты и свѣдущихъ людей. говорящихъ передъ различнаго рода администраціей и земскими людьми. Каждый шагъ жизни всѣхъ этихъ людей враждебенъ массѣ глухо враждующихъ противъ нихъ и открыто ропщущихъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Часть ихъ ренегаты изъ крестьянъ. А у ренегата, какъ извѣстно, всѣ силы души направлены всегда на очерненіе его родного общества. Измышленія его по этой части изумительны. Стремленіе оправдать себя въ измѣнѣ, заглушить вопіющую совѣсть представленіемъ пороковъ своихъ соотчичей—здѣсь не сдержаны никакими указами. Способность превращать бѣлое въ чорное развертывается у ренегата до степени художественности. Немудрено, что корреспонденціи и рѣчи людей этого типа, хотя бы по вопросу о пьянствѣ крестьянъ, будутъ всегда производить сильное впечатлѣніе, какъ на нашу братью, городскихъ жителей, такъ и на всякаго чиновника и земца и на людей перваго типа деревенскихъ корреспондентовъ. Третій типъ корреспондентовъ: землевладѣльцы мелкіе и средніе, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, заѣзжіе къ нимъ гости и вообще люди ихъ круга. Для обрисовки этого типа довольно двухъ словъ: это тоже, что всѣ *мы*, люди культурнаго русскаго общества, съ тою только разницею, что, живя на мѣстѣ, хозяйничая и ведя разныя дѣла, эти наши братья очень часто становятся судьями въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, т. е. людьми пристрастными. Ихъ взгляды на крестьянство и методъ сужденій не застрахованы ничѣмъ отъ ошибокъ, многое, кромѣ того, они видятъ не непосредственно, а черезъ очки первыхъ двухъ типовъ деревенскихъ корреспондентовъ, съ которыми они и находятся въ бо́льшемъ общеніи, чѣмъ съ крестьянствомъ. Результатъ таковъ: необразованный землевладѣлецъ, и его гость, городской туристъ, наблюдатель, взглянувъ на распухшія лица вернувшихся въ помѣстье съ праздника наемныхъ батраковъ, заключаютъ, что вся деревня, вся масса земледѣльцевъ такъ же безобразно упивалась, какъ и эти *работники*. Дѣлить крестьянство на категоріи у насъ еще не умѣютъ ни въ столицѣ, ни въ уѣздномъ городѣ, ни въ помѣщичьемъ имѣніи, и все, сдѣланное которою-либо изъ категорій деревенскихъ жителей,

поймутъ какъ совершенное огульно всею деревнею. Сужденія наши управляются во многомъ предвзятыми мнѣніями, оставшимися отъ времени крѣпостного права, а рѣчи деревенской аристократіи и ренегатовъ противъ мужика, конечно, не могутъ оставаться безъ вліянія на нить сужденій. Указавъ на всѣ вышеизложенныя данныя относительно корреспонденцій изъ деревни, предоставляемъ судить читателямъ, насколько онѣ могутъ поддерживать наши иллюзіи о пьянствѣ русскаго народа.

Но еслибы народное пьянство и было неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ, то и тогда мы вправѣ были бы сомнѣваться въ дѣйствительности однѣхъ только запретительныхъ мѣръ для сокращенія или регулированія виннаго потребленія, такъ какъ вопросъ о пьянствѣ имѣетъ несомнѣнную связь съ тѣмъ, какъ народу живется, съ экономическимъ положеніемъ страны, со степенью ея культуры и извѣстнымъ просторомъ для дѣятельности и умственнаго развитія. Возможность лучше жить и вѣрить въ будущее и расширеніе умственныхъ интересовъ будутъ и здѣсь все-таки лучшимъ средствомъ. Практически же вопросъ о пьянствѣ будетъ долго еще упираться въ вопросъ финансовый, въ невозможность, безъ пріисканія новыхъ источниковъ обложенія или соотвѣтственнаго сокращенія бюджета, отказаться отъ огромнаго налога на вино. Такимъ образомъ, то, что стало бы при настоящихъ условіяхъ дѣлаться одною рукою, тотчасъ же раздѣлывалось бы другою. Моралисты и финансисты будутъ долго находиться въ положеніи взаимнаго антагонизма, или же, какъ авгуры, будутъ только посмѣиваться себѣ въ бороду, первые, зная, что проповѣдуютъ на вѣтеръ, а вторые, слушая ихъ и соглашаясь съ ними и не имѣя ни малѣйшаго желанія практически осуществить ихъ доводы. Откупщики, въ родѣ г. Кокорева, будутъ распространяться о вредѣ пьянства и въ тоже время будутъ рекомендовать поощреніе помѣщичьяго винокуренія; а публицисты, въ родѣ публицистовъ «Москов. Вѣдомостей», будутъ имъ вторить и допекать министерство финансовъ необходимостью поддерживать искуственными мѣрами и субсидіями русскую промышленность, умалчивая при этомъ о справедливости прямыхъ и прогрессивныхъ налоговъ.

Одни и тѣ же лица будутъ говорить и о народномъ пьянствѣ, невѣжествѣ и грубости, и о необходимости гнать изъ деревни интеллигентнаго человѣка, совѣтуя препоручить все дѣло народнаго образованія духовенству, у котораго и безъ того много своего дѣла и которое народному образованію не всегда сочувствуетъ. Кто бы могъ подумать, напримѣръ, что со стороны духовенства возможно иногда прямое противодѣйствіе школѣ? А между тѣмъ газеты сообщаютъ иногда подобные факты. Такъ, напримѣръ, «Кіевлянинъ», органъ, который относительно духовенства «искренно

желалъ бы сообщать только добрыя вѣсти», сообщалъ недавно, что приходскій священникъ одного изъ уѣздовъ Кіевской губерніи «отговариваетъ крестьянъ отъ устройства училища», что дѣлаетъ это онъ «въ церкви въ выраженіяхъ болѣе, чѣмъ неприличныхъ, и старается запугать прихожанъ ложнымъ сообщеніемъ, что они будутъ раззорены, если устроютъ школу, что должностныя лица, мировой посредникъ и инспекторъ народныхъ училищъ, обманываютъ крестьянъ своими обѣщаніями». Не всѣ пастыри духовные, разумѣется, таковы и не въ такой откровенной формѣ обыкновенно выражается несочувствіе школѣ, но для того, чтобы народное образованіе не двигалось впередъ совершенно достаточно и небрежнаго отношенія къ школѣ, взгляда на нее, какъ на предметъ роскоши, или, какъ на орудіе, долженствующее имѣть совсѣмъ особое назначеніе и служить совершенно стороннимъ цѣлямъ. Не разъ уже литература сопоставляла болѣе чѣмъ скромную цифру бюджета нашего министерства народнаго просвѣщенія съ бюджетомъ военнымъ и другихъ министерствъ, не разъ уже говорилось, что и изъ этой скромной цифры значительная часть идетъ на высшія и среднія учебныя заведенія и на содержаніе различныхъ учрежденій вѣдомства народнаго просвѣщенія, такъ что собственно на народную школу остается и еще того меньше; но всѣ эти сопоставленія и доводы приводили на практикѣ развѣ только къ тому, что дѣлалась къ бюджету министерства крошечная прибавка или же къ разговорамъ о сокращеніи расходовъ на высшее и среднее образованіе въ пользу низшаго, что̀, помимо нецѣлесообразности, также, разумѣется, не могло двинуть дѣла впередъ. Земская народная школа и начальныя городскія училища также мало преуспѣваютъ, съ одной стороны, все вслѣдствіе того же, т. е. недостаточнаго вниманія общества къ дѣлу народнаго образованія, а съ другой—и очень часто—вслѣдствіе недостатка средствъ и недостаточнаго простора для дѣятельности. Въ то время, когда происходитъ столько тревогъ и возбуждается столько сложныхъ и трудныхъ вопросовъ по поводу средняго и высшаго образованія, когда выработываются правила и педагогическіе пріемы для гимназій, идутъ толки о женскихъ медицинскихъ курсахъ, обсуждается проэктъ новаго университетскаго устава, и т. д., низшая народная школа остается въ тѣни, остается какъ бы заброшенною.

А между тѣмъ, и она полна вопросовъ, и вопросовъ самыхъ живыхъ и настоятельныхъ, вопросовъ чуть ли не всего нашего будущаго. Она, если можно такъ выразиться, не кричитъ о себѣ, чтобы разумѣли о ней. Вопросы ея маленькіе и примитивные. Въ то время, когда здѣсь идетъ рѣчь о педагогическихъ системахъ, о преемственности знанія, о способахъ воздѣйствія на нравственную природу учениковъ и т. п., тамъ разговариваютъ о дровахъ, о недостаточности топ-

лива и освѣщенія, объ отсутствіи помѣщенія, порядочныхъ учителей, учебныхъ пособій и, вообще, о вещахъ самыхъ элементарныхъ. Хотя къ этому примѣшиваются нерѣдко и другого рода вопросы, въ родѣ притѣсненія учителей волостными старшинами, писарями и урядниками, ссоры училищныхъ инспекторовъ съ кѣмъ-нибудь изъ земскихъ дѣятелей, вопроса о благонадежности учителей и т. п.; но и эти вопроса скоро забываются, устраняются домашними средствами и никогда почти не принимаютъ болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ. Не трудно, однако, видѣть, что народная школа заключаетъ въ себѣ вопросъ огромной государственной важности, что вопросъ этотъ все болѣе и болѣе назрѣваетъ и выдвигается жизнью на сцену: становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что народное образованіе нуждается въ широкой и правильной постановкѣ, въ пріисканіи необходимаго для этого большаго фонда (путемъ ли сокращенія другихъ расходовъ или отысканія новаго, спеціальнаго источника, подобно тому, какъ американцы нашли такой источникъ въ государственныхъ земляхъ) и въ дружной, единовременной работѣ надъ народною школою, въ работѣ, которая имѣетъ поглотить всю интеллигенцію, какъ мужскую, такъ и женскую, выходящую изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, давая ей нетолько полезное поприще для дѣятельности, но и нравственное удовлетвореніе, которое приноситъ человѣку сознаніе приносимой обществу пользы. Подвига здѣсь для человѣка развитаго и честнаго—нѣтъ, конечно, но при такой постановкѣ дѣла, онъ можетъ быть полонъ самой чистой радости и надеждъ на будущее: онъ можетъ при благопріятныхъ условіяхъ надѣяться, что черезъ какіе-нибудь 10—20 лѣтъ дружной работы, страна сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ и начнетъ новую жизнь; что число гимназій и высшихъ учебныхъ заведеній можетъ удесятериться, и что изъ нихъ могутъ выходить не чиновники только и дѣльцы различныхъ наименованій, занимающіеся объегориваніемъ народа, а люди полезнаго труда, возвращающіеся къ народу и помогающіе ему лучше устроить свою жизнь; что промышленность можетъ совершенно переорганизоваться и сдѣлать очень быстрые успѣхи и т. д., и т. д. Словомъ, отсюда открывается для многихъ цѣлая свѣтлая полоса надеждъ и мечтаній о будущемъ, мечтаній вовсе не несбыточныхъ, а осуществимыхъ, которыя осуществятся тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе и дружнѣе мы примемся за работу, чѣмъ скорѣе и глубже сознаемъ, что оставлять народъ во мракѣ нельзя, что это просто невыгодно для государства, чему въ исторіи античныхъ государствъ имѣется не мало примѣровъ, и чѣмъ скорѣе и искреннѣе начнемъ смотрѣть на служеніе свое народу, какъ на прямой свой долгъ и лучшее назначеніе на землѣ. Тогда, вѣроятно, и пьянства будетъ гораздо меньше, какъ въ народѣ, такъ и въ культурной средѣ, хотя вина, можетъ быть, будетъ

потребляться и больше. Европа, съ ея капиталистическимъ строемъ и крайностями нищеты, можетъ давать развѣ только слабый примѣръ этого. Можетъ быть, современемъ вино и совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, нетолько какъ средство забвенія горя и источникъ радостей (несомнѣнно низшихъ и искуственныхъ), но и какъ пища. Горя на землѣ должно быть все меньше и меньше, можетъ быть, когда-нибудь и совсѣмъ его не будетъ; высшія и естественныя радости могутъ вытѣснять радости низшія и искуственныя; а взамѣнъ вина, какъ пищи, можетъ быть, будетъ изобрѣтено какое-нибудь лучшее соотвѣтственное средство, но еслибы человѣческая изобрѣтательность и ничего въ этомъ направленіи не сдѣлала, то бѣды въ этомъ особой, конечно, нѣтъ. Это, впрочемъ, все вопросы будущаго и притомъ вопросы второстепенные, гадать надъ которыми, въ виду прямыхъ задачъ и цѣлей, не стоитъ. Народное образованіе и безъ того нужно, и не для этого главнымъ образомъ нужно; а сдѣлать для него можно очень многое, лишь бы только было желаніе. Мы хотимъ сообщить изъ дѣятельности по народному образованію одинъ отрадный фактъ, который тѣмъ рѣзче выдѣляется, чѣмъ окружающій его фонъ сѣрѣе. Мы говоримъ о петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищахъ, которыя поставлены весьма недурно, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. Такихъ начальныхъ школъ, конечно, въ остальной Россіи нѣтъ. Потому-то мы и хотимъ познакомить съ ними читателя.

Дѣятельность города по народному образованію началась собственно только съ 1877 года [1], когда въ августѣ мѣсяцѣ вновь образованная училищная комиссія приняла отъ министерства народнаго просвѣщенія 16 одноклассныхъ училищъ (14 женскихъ и 2 мужскихъ). Первыя пять лѣтъ дѣятельности думы новаго состава прошли для народнаго образованія почти безплодно «по независящимъ отъ Думы обстоятельствамъ». Заключались эти обстоятельства въ невозможности дѣйствовать самостоятельно. Вотъ какъ объясняется это въ докладѣ думской комиссіи: еще 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, прежняя Общая Дума возбудила вопросъ о передачѣ ей народныхъ училищъ въ столицѣ не болѣе, какъ въ хозяйственное завѣдываніе, чтобы не ограничиваться только ролью казначея (дума вносила до 1873 г. 33 т. р. въ годъ въ кассу министерства нар. просв.). Затѣмъ, въ 1871—2 г., въ виду недостаточности 16 школъ на всю столицу, она ходатайствовала объ увеличеніи ихъ числа; но

---

[1] Фактическими данными объ училищахъ мы пользуемся изъ училищныхъ отчетовъ 1881—2 и 1882—3 годовъ, читанныхъ въ Думѣ, и изъ доклада комиссіи, составившей очеркъ перваго десятилѣтія с.-петербургскаго городского общественнаго управленія—«Десять лѣтъ с.-петербургскаго город. общ. упр. 1873—1883 г.».

только въ 1874 г., уже при думѣ новаго состава, было разрѣшено городскимъ обществамъ открывать городскія училища, причемъ, однако, постановлено было такое ограниченіе, что открытіе училищъ могло происходить только съ разрѣшенія инспектора казенныхъ народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта. Отъ ограниченія этого петербургское городское управленіе было освобождено, благодаря городовому положенію, которое признаетъ Петербургъ уѣздною земскою единицею и даетъ ему право имѣть свой училищный совѣтъ, съ предсѣдателемъ, въ лицѣ городского головы, и съ участіемъ думы, выбирающей туда двухъ своихъ членовъ. Однако, объ утвержденіи такихъ правъ нужно было предварительно еще ходатайствовать, и въ этихъ хлопотахъ прошло не мало времени. Ходатайство объ учрежденіи городского училищнаго совѣта и о разрѣшеніи думѣ открыть новыхъ 32 народныхъ училища было представлено въ 1874 году. Тогда, въ 1875 г., прежде нежели послѣдовалъ отвѣтъ на это ходатайство, министерство народнаго просвѣщенія передало на обсужденіе думы вопросъ о введеніи въ Петербургѣ обязательнаго обученія. Дума нашла рѣшеніе этого вопроса, при тогдашнемъ наличномъ числѣ школъ, преждевременнымъ. Для введенія обязательнаго обученія, говоритъ комиссія, «какъ оказывается по вычисленіямъ послѣдняго времени, необходимо было бы для того вѣдомства, которое обязываетъ, предварительно обязаться самому открыть до 300 народныхъ училищъ» [1]. Вопросъ поэтому, въ видахъ теоретической разработки его на будущее время, былъ переданъ въ особую комиссію, а дума въ октябрѣ 1875 г. повторила свое ходатайство объ училищномъ совѣтѣ и о разрѣшеніи ей открыть 32 училища. Утвержденіе совѣта послѣдовало 28-го декабря 1876 года; въ іюлѣ 1877 года совѣтъ открылъ свои дѣйствія, а въ августѣ вновь образованная училищная комиссія приняла городскія училища отъ министерства. Три изъ этихъ училищъ «вовсе не имѣли помѣщеній, а изъ остальныхъ тринадцати только одно удовлетворяло гигіеническимъ и школьнымъ условіямъ» (id.); поэтому 12 училищъ пришлось сейчасъ же перевести въ новыя квартиры, снабдивъ ихъ новою школьною мебелью. Если припомнить, что среди училищъ были открытыя еще при императрицѣ Екатеринѣ II, то не трудно видѣть, что для начальнаго народнаго образованія въ Петербургѣ было сдѣлано не особенно много. Все это необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ того, что сдѣлано городомъ въ теченіи столь небольшого періода времени.

Въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ (1877—80 гг.) число городскихъ училищъ возросло съ 16 до 88; въ 1881—2 гг. съ 88 до 128 и на 1883 г. было проэктировано къ открытію 25, а на

[1] «Десять лѣтъ с.-петерб. гор. общ. упр.» и т. д., стр. 47.

самомъ дѣлѣ открыто новыхъ 28 школъ, такъ что всего теперь 156 школъ. Кромѣ того, недавно постановлено открыть еще двѣ школы въ память Тургенева. Къ началу 1883 г. въ 128 училищахъ училось 3,759 мальчиковъ и 2,151 дѣвочка, всего 5,910 человѣкъ; а на годичномъ актѣ, происходившемъ 8 го сентября въ залѣ городской думы, въ присутствіи гласныхъ, учащихъ, родителей и публики, можно было видѣть болѣе 800 чел. дѣтей, окончившихъ въ этомъ году курсъ. Въ первый годъ своего существованія дума новаго состава израсходовала на школьное дѣло 52,000 р., въ 1881 г.—258 000 р., въ 1882 г.—325,000 р. и на 1883 г. было ассигновано 340,000 р. Это составляетъ, говоритъ комиссія, «болѣе 1/10 всего бюджета городскихъ расходовъ, которыми дума распоряжается самостоятельно». Но, несмотря на замѣтное увеличеніе числа школъ, читаемъ мы далѣе, число дѣтей, получающихъ отказы на пріемъ въ училища, нетолько, однако, *не уменьшается*, но какъ будто бы даже *возростаетъ*. Такое явленіе комиссія объясняетъ: «и вліяніемъ воинской повинности, и дешевизною городскихъ училищъ (2 рубля въ годъ), а также и лучшимъ ихъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, сравнительно съ частными заведеніями подобнаго же рода»; но не подлежитъ также сомнѣнію, что здѣсь не остался безъ вліянія и «толчокъ, данный народному образованію массою новыхъ городскихъ училищъ, распространивъ во всѣхъ классахъ общества убѣжденіе въ необходимости обученія дѣтей» (id., ст. 48). Дума сознаетъ, что имѣющагося количества школъ мало для удовлетворенія всего петербургскаго «школьнаго голода», но считаетъ невозможнымъ въ настоящую минуту достигнуть сразу нормальнаго числа школъ «по недостатку средствъ». Въ прошломъ учебномъ году, за недостаткомъ мѣста, было отказано въ пріемѣ около 1,270 человѣкъ дѣтей; въ нынѣшнемъ — 1,007 (495 мальчикамъ и 512 дѣвочкамъ). Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ послѣднемъ отчетѣ училищной комиссіи: «Эта тысяча, получивъ отказъ въ пріемѣ по недостатку мѣста, вѣроятно, передала объ этомъ вѣсть другимъ бѣднякамъ, желающимъ учиться; вотъ и оказывается, что, можетъ быть, не одну тысячу дѣтей мы отогнали отъ дверей школы, потому что, какъ намъ уже извѣстно, по собраннымъ нами статистическимъ свѣденіямъ, въ Петербургѣ находится 13,824 дѣтей, отъ 7 до 12 лѣтъ, неграматныхъ и нигдѣ не учащихся; для нихъ нужно еще, по крайней мѣрѣ, 240 школъ. Слѣдственно, если присоединить къ этому числу 156 уже существующихъ у насъ училищъ, то окажется, что для удовлетворенія потребности неграматныхъ дѣтей Петербурга нужно всего около 400 начальныхъ училищъ» [1]. Нужно замѣтить, что въ петербургской

---

[1] «Краткій отчетъ о состояніи начальныхъ городскихъ училищъ въ 1882—1883 гг.», стр. 3.

думѣ вовсе не всѣ гласные являются безусловными сторонниками большихъ расходовъ на народное образованіе; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, М. И. Михельсонъ (бывшій инспекторъ спб. учебнаго округа) рекомендуетъ постепенность въ открытіи новыхъ школъ и совѣтуетъ ограничиваться ежегодно меньшимъ ихъ числомъ (открывать, напримѣръ, вмѣсто 20 школъ 10 и т. п.); но большинство гласныхъ, къ чести думы, высказываются постоянно несогласно съ г. Михельсономъ и не отказываютъ въ ассигновкѣ суммъ на новыя школы. Эти суммы не всѣ, впрочемъ, идутъ собственно на народныя школы. Такъ, напримѣръ, изъ 340,000 1883 года на начальныя училища идетъ 250,000, а остальныя 90,000 расходуются на стипендіи и пособія различнымъ учебнымъ вѣдомствамъ: вносится, напримѣръ, 25,000 руб. ежегодно на содержаніе городскихъ пансіонеровъ въ ремесленномъ училищѣ цесаревича Николая, и т. п. Хотя для ремесленнаго образованія и очень немного пока еще сдѣлано, но вниманіе на него уже обращено. Такъ, въ 1880 г., въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія прошлаго царствованія, дума постановила учредить городскія учебныя мастерскія. Пока открыты только двѣ такія мастерскія, съ повторительнымъ курсомъ начальныхъ городскихъ училищъ: женская, для обученія шитью бѣлья и рукодѣльямъ, и мужская, для обученія сапожному и портняжному мастерству. Въ каждой изъ нихъ помѣщается до 30 учащихся. Кромѣ того, дума содержитъ 30 городскихъ учениць въ профессіональной школѣ г-жи Коробовой для обученія дамскому шитью. На ремесленное образованіе въ 1883 г. было ассигновано 11,400 рублей.

Посмотримъ теперь на внутреннее устройство городскихъ училищъ. Помѣщаются училища въ наемныхъ квартирахъ. Тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ пришлось видѣть, достаточно обширны, свѣтлы, снабжены хорошею вентиляціей и содержатся очень чисто. Въ нихъ отъ 4 до 7 комнатъ, изъ которыхъ самыя большія отведены подъ классное помѣщеніе и рекреацію во время перемѣнъ; а въ остальныхъ помѣщаются учителя или учительницы. Среднимъ числомъ на каждое училище городъ ассигнуетъ: 600 р. на наемъ квартиры, 120 руб. на отопленіе, 120 руб. на наемъ прислуги, 100 руб. на учебныя принадлежности и библіотеку, 100 руб. на ремонтъ мебели, 50 р. на мелкія расходы (полотеръ, дворникъ и пр.) и 600 руб. на жалованье учителю [1]. Но есть квартиры и дороже 600 руб. За нѣкоторыя платится болѣе 1,000 р. Это смотря по мѣстности. Конечно, отъ нѣкоторыхъ училищъ можно было бы желать бо̀льшаго: чтобы комнаты были болѣе высоки, а самыя училища помѣщались ниже, не въ са-

[1] «Вопросъ о нач. гор. училищахъ въ С.-Петерб. город. думѣ». Спб. 1882. стр. 5.

*

момъ верхнемъ этажѣ, чтобы ученики ходили въ училище не по черной, иногда очень дурно содержимой лѣстницѣ, а по парадной, и т. п., но это частности, встрѣчающіяся во всякомъ дѣлѣ и вполнѣ устранимыя. Училища снабжены простою, но опрятною и довольно удобною классною мебелью и разными учебными принадлежностями и пособіями. Гласные, дѣятельно занимающіеся школами, мечтаютъ о постройкѣ городомъ собственнаго зданія для центральнаго образцоваго городского училища въ такой мѣстности, гдѣ густота населенія дала бы возможность соединить отъ 150 до 200 учениковъ, или на окраинахъ города, гдѣ было бы не трудно пріобрѣсти или арендовать небольшой домъ, съ цѣлью вполнѣ приспособить его къ школьному дѣлу; но мысль объ этомъ пока встрѣчала препятствіе въ недостаткѣ средствъ. Дума предпочитала скорѣе удовлетворять «школьному голоду», увеличивая число школъ, хотя бы и въ наемныхъ квартирахъ, чѣмъ затрачивать большую сумму на одну школу. Нормальное число учащихся для каждой школы опредѣлено въ 40 человѣкъ, но на практикѣ, вслѣдствіе наплыва желающихся учиться, число это обыкновенно больше и доходитъ до 50, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ 4-мъ спасскомъ училищѣ для мальчиковъ даже до 75 человѣкъ. Спасское училище, по причинѣ дороговизны квартиры въ этой мѣстности, единственное для центральной части Невскаго проспекта, «а между тѣмъ учительница, по словамъ отчета, не въ состояніи была отказать просившимъ». Ей даже пришлось для этого «устроить занятія такъ, что сперва занималось одно младшее отдѣленіе, которое потомъ отпускалось домой и замѣнялось среднимъ и старшимъ отдѣленіями; при чемъ разумѣется, приходилось увеличивать и число учебныхъ часовъ». Тоже самое было и въ 3 рождественскомъ и 4 выборгскомъ мужскихъ училищахъ. Санитарный и врачебный надзоръ надъ дѣтьми организованъ подъ руководствомъ особой комиссіи, во главѣ которой стоитъ С. П. Боткинъ. Комиссія эта состояла въ прошломъ учебномъ году изъ 11 женщинъ врачей. При такомъ составѣ ея, получалась возможность посѣщать училища и осматривать дѣтей не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Сверхъ того, врачи посѣщали больныхъ дѣтей на дому, снабжая ихъ, въ случаѣ надобности, лекарствами на городской счетъ. О каждомъ заболѣвшемъ ученикѣ учительницы немедленно же извѣщали своего ближайшаго училищнаго врача и степень заразительности болѣзни опредѣлялась немедленно же. Благодаря этимъ мѣрамъ, несмотря на сильное развитіе въ городѣ эпидемій (скарлатины и дефтерита) и на крайне неблагопріятныя условія, при которыхъ живетъ въ семействахъ большинство учениковъ, «ни въ одной изъ школъ не дано было возможности развиться этимъ страшнымъ болѣзнямъ». Больныхъ дифтеритомъ въ теченіи прошлаго учебнаго года было всего 107

и скарлатиною 93; ученье, за исключеніемъ 3 школъ (гдѣ занятія прекращались на 1 или 2 недѣли), не прерывалось, и усиленный надзоръ этотъ, вмѣстѣ съ лекарствами, стоилъ городу 50 к., даже «менѣе 50 к. въ годъ на каждаго учащагося». (Отчетъ стр. 7) За учебною частью до сихъ поръ надзирали два особыхъ инспектора, которыхъ городъ называетъ «экспертами по учебной части», съ жалованьемъ по 2,000 р. Должности эти занимали А. Я. Гердъ и І. И. Паульсонъ. Съ нынѣшняго же года къ нимъ присоединился еще третій экспертъ — г. Семеновъ. — Составъ учителей и учительницъ былъ въ прошломъ году слѣдующій: законоучителей 48, учителей 26, учительницъ 102, запасныхъ учительницъ 2, отдѣльныхъ учителей пѣнія 13 и учительницъ 3. Всѣ учащіе получили образованіе въ высшихъ педагогическихъ курсахъ, въ учительскихъ семинаріяхъ и учительскомъ институтѣ, въ гимназіяхъ и въ институтахъ педагогическомъ и технологическомъ. Желающихъ занять мѣсто учителей и учительницъ, благодаря тому, что они поставлены довольно независимо, очень много. Послѣдній отчетъ не упоминаетъ о числѣ имѣвшихся въ послѣднемъ учебномъ году кандидатовъ на вакансіи учащихъ, но въ 1881—2 году таковыхъ было 123 (мужчинъ 35 и женщинъ 88), при чемъ *всѣ они* имѣли *спеціальное педагогическое образованіе и практическую дѣятельность въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ*. Вслѣдствіе такого наплыва желающихъ, спеціальное педагогическое образованіе становится теперь даже на степень условія, чтобы быть записаннымъ въ число кандидатовъ; такъ напримѣръ, отъ женщинъ требуется окончаніе педагогическихъ курсовъ, и т. п. Если положеніе учащихъ не особенно блестяще въ матеріальномъ отношеніи [1], что, можетъ быть, и къ лучшему, такъ какъ на мѣста эти поступаютъ не искатели хорошихъ окладовъ, а люди, преданные дѣлу, то за то въ отношеніи предоставленной имъ независимости положенія (какъ въ отношеніи личномъ, такъ и учебномъ и хозяйственномъ) и того не чиновничьяго вовсе, а человѣческаго отношенія и вниманія къ нимъ со стороны училищной комиссіи и думы, очень хорошо. До сихъ поръ, по край-

---

[1] Петербургская дума возбудила и передала на разсмотрѣніе училищной комиссіи вопросъ о *прогрессивномъ* увеличеніи жалованья учащимъ. Комиссія предположила слѣдующее: каждому учащему, прослужившему въ училищѣ пять лѣтъ, прибавлять къ 600 руб. по 150 р. въ годъ; по истеченіи вторыхъ пяти лѣтъ прибавлять еще по 100 р. и третьихъ пяти лѣтъ тоже по 100 р. въ годъ, такъ, чтобы содержаніе учащаго, послѣ 15-ти лѣтъ его службы городу, достигало 950 р. Докладъ комиссіи по этому вопросу не получилъ еще окончательнаго рѣшенія думы. Очень было бы желательно, чтобы одновременно съ этимъ вопросомъ былъ разработанъ и вопросъ о пенсіяхъ для престарѣлыхъ и потерявшихъ на службѣ здоровье учителей и учительницъ.

ней мѣрѣ, не было ни подсматриваній за школами, ни внезапныхъ начальственныхъ налетовъ съ свирѣпымъ видомъ и выпученными глазами, ни заглядываній въ чужую душу, чтобы справиться тамъ на счотъ сокровенныхъ убѣжденій, и т. п. И чѣмъ дума будетъ крѣпче держаться этого пути, тѣмъ, разумѣется, будутъ лучше и отношенія между нею и учащими и тѣмъ лучше будетъ идти самое дѣло. А идетъ оно пока весьма не дурно. Намъ пришлось побывать въ нынѣшнемъ году въ нѣсколькихъ школахъ на экзаменахъ, и встрѣченные нами результаты положительно превзошли ожиданія. Дѣти отвѣчали свободно и бойко, а размѣромъ познаній и сообразительности нисколько не уступали, если только не превосходили дѣтей привилегированныхъ учебныхъ заведеній и тѣхъ, которыхъ мы обучаемъ дома, затрачивая на обученіе огромныя суммы. Я не пошелъ въ школы, помѣщающіяся въ центрѣ города, въ школы «образцовыя» и въ тѣ, про которыя много говорятъ, какъ, напримѣръ, въ школу г. Санъ-Галли (у г. Санъ-Галли все образцово, начиная съ рабочей колоніи, о которой всѣ пріѣзжающіе изъ Москвы могутъ читать огромную вывѣску, и кончая школою, одинъ внѣшній видъ которой уже говоритъ о великолѣпіи), а пошелъ нарочно въ школы среднія, даже захолустныя, на которыя меньше обращено вниманія и которыя существуютъ не для показа, и вывелъ заключеніе по нимъ. Но результаты хорошаго веденія дѣла выразились и на выпускныхъ испытаніяхъ, которыя въ первый разъ въ нынѣшнемъ году были произведены публично, въ залахъ городской думы, такъ что гг. гласные лично могли съ ними ознакомиться. На эти испытанія явилось 549 мальчиковъ изъ 48-ми училищъ и 240 дѣвочекъ изъ 28-ми училищъ и изъ нихъ выдержало экзаменъ 542 мальчика и 237 дѣвочекъ, т. е. 779 дѣтей изъ 789. А всего, съ городскими воскресными школами (гдѣ выдержали окончательный экзаменъ 20 лицъ мужского пола и три женскаго) выдержали испытанія изъ 812 экзаменовавшихся 802 лица, которымъ и были выданы свидѣтельства объ окончаніи курса. Результатъ положительно блестящій, и училищная комиссія имѣла полное право сказать въ отчетѣ, что «въ истекшемъ году дѣло велось такъ, какъ только могутъ вести его лица, горячо ему преданныя и обладающія спеціальною для этого подготовкою» (стр. 4 я). Спрашивается, чему же мы больше всего обязаны подобными результатами? Въ школу поступаютъ дѣти по большей части неграматными, поступаютъ преимущественно дѣти бѣдняковъ, которымъ некогда и не на что ихъ учить.

Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы, не сомнѣваясь, скажемъ, что школа прежде всего и больше всего обязана своимъ успѣхомъ тому, что въ ней вольно дышется, какъ учащимъ, такъ и учащимся, что нѣтъ въ ней того мертвящаго канцеляризма

и рутины, которыя губятъ всякое живое дѣло, что основана она не на страхѣ и ежовыхъ рукавицахъ, а на возбужденіи въ учащихся любви къ дѣлу, что преслѣдуетъ она цѣли человѣческаго воспитанія, безъ всякой примѣси къ нимъ какихъ-нибудь стороннихъ цѣлей, которыя сплошь и рядомъ встрѣчаются въ другихъ школахъ. Въ городскихъ школахъ не ставится отмѣтокъ, не возбуждается въ ученикахъ взаимной зависти, дѣтская личность не подавляется. Вы видите передъ собою не забитыхъ и блѣдныхъ отъ страха дѣтей, а лица спокойныя и веселыя; вы видите между учащими и учащимися взаимную симпатію. И замѣчательно при этомъ, что не слышно жалобъ на лѣнь, непочтеніе и прочіе школьные грѣхи, на которые столь часто жалуются педагоги. Заслужить симпатію учениковъ, хотя и очень трудно, но очень важно. Это, какъ намъ кажется, есть лучшее мѣрило для самого учащаго и лучшій залогъ успѣха дѣла.

Дѣятельность учителей и учительницъ, кромѣ обученія дѣтей, выражается еще въ ихъ собраніяхъ, гдѣ обсуждаются и разрабатываются различные вопросы, касающіеся учебнаго дѣла. Въ прошедшемъ году такихъ собраній было девять, а главными вопросами, подлежавшими обсужденію, были: о повѣрочныхъ испытаніяхъ, о болѣе правильной организаціи воскресныхъ школъ [1], о предметныхъ урокахъ, о школьной библіотекѣ, о воспитательномъ значеніи начальной школы и т. п. Такъ какъ начальныя городскія училища трехклассныя, то, въ виду трудности для учащихъ заниматься одновременно съ тремя разными отдѣленіями, въ прошломъ учебномъ году рѣшено было произвести

---

[1] Кромѣ начальныхъ училищъ въ Петербургѣ существуютъ еще городскія воскресныя школы, которыя идутъ, однако, не совсѣмъ удовлетворительно. «Число ихъ—читаемъ мы въ отчетѣ—не только не увеличивается, но даже и въ существующихъ 8 школахъ число учащихся уменьшается. Такъ въ прошломъ году учащихся было 345, въ настоящемъ 261, да и тѣ ходятъ въ школы неаккуратно» (5): Училищная коммисія не махнула, впрочемъ, на нихъ рукой и образовала для разсмотрѣнія вопросъ о нихъ особую комиссію. Въ комиссію эту вошли: учителя и учительницы воскресныхъ городскихъ школъ и нѣкоторые учителя министерства народн. просв., а въ работахъ ея приняли участіе нѣкоторые члены училищной комиссіи, одинъ изъ ея экспертовъ, инспекторъ народныхъ училищъ и педагоги—Н. Ѳ. Рашевскій, В. Я. Стоюнинъ и А. Н. Страннолюбскій. Комиссія эта признала полезнымъ учрежденіе воскресныхъ школъ трехъ типовъ: 1) для неграматныхъ совсѣмъ, для обученія ихъ грамматѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (школы параллельныя младшему отдѣленію городскихъ училищъ); 2) для умѣющихъ читать и писать съ курсомъ начальныхъ школъ (средняго и старшаго отдѣленій) и 3) повторительная школа для окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ. Можетъ быть, при такомъ устройствѣ воскресныхъ школъ, онѣ и пойдутъ успѣшнѣе; но всего вѣроятнѣе, что причина неуспѣха лежитъ не въ устройствѣ школъ, а въ невозможности 6 дней работать, а 7 учиться.

въ 103 училищахъ преобразованіе, а именно—преобразовать ихъ въ училища съ двумя отдѣленіями. Училища, попрежнему, останутся трехклассными и курсъ въ нихъ трехгодичнымъ, но отдѣленія въ нихъ будутъ чередоваться такимъ образомъ: младшее и старшее—одинъ годъ, младшее и среднее—другой, среднее и старшее—третій и т. д., а въ другихъ училищахъ въ иномъ порядкѣ послѣдовательности. Чтобы достигнуть болѣе согласной дѣятельности между учащими и облегчить имъ первый приступъ къ занятіямъ съ двумя отдѣленіями, г. I. И. Паульсонъ въ январѣ настоящаго года имѣлъ рядъ бесѣдъ «о методикѣ начальныхъ учебныхъ предметовъ и объ организаціи элементарной школы». Бесѣды эти происходили въ педагогическомъ музеѣ Соляного городка. Затѣмъ, такъ какъ въ обученіе, предлагаемое начальной школой, кромѣ закона Божія, граматы родного языка и ариѳметики, входятъ еще предметные уроки, цѣль которыхъ — передать дѣтямъ нѣкоторыя реальныя знанія и ознакомить ихъ съ окружающимъ ихъ міромъ, то другой экспертъ училищной комиссіи, А. Я. Гердъ, подробно изложилъ методику и программу предметныхъ уроковъ въ примѣненіи къ начальной школѣ и далъ въ присутствіи учащихъ «цѣлый рядъ образцовыхъ уроковъ, указавъ на всѣ самостоятельныя наблюденія, опыты и работы, которые слѣдуетъ вести въ школѣ въ связи съ такими уроками». Затѣмъ, на одномъ изъ собраній учителей и учительницъ былъ поднятъ вопросъ о библіотекѣ для дѣтей, обучающихся въ начальной школѣ. Каждому училищу, какъ сказано выше, Дума отпускаетъ ежегодно 100 р. на учебныя пособія. Но такъ какъ учебныя пособія выдаются безплатно только очень бѣднымъ ученикамъ, то бо̀льшая часть этихъ денегъ, особенно въ школахъ старыхъ, уже успѣвшихъ обставиться всѣми необходимыми классными пособіями, шла на покупку книгъ для чтенія дѣтямъ въ свободное время, причемъ многіе изъ учащихъ затруднялись въ выборѣ книгъ и нерѣдко пріобрѣтали для училищныхъ библіотекъ изданія слишкомъ дорогія, недоступныя для дѣтскаго пониманія или по какимъ-либо другимъ причинамъ непригодныя къ употребленію. Въ виду этого, собраніе учащихъ признало полезнымъ образовать изъ своей среды особую комиссію, которая занялась бы просмотромъ существующихъ въ продажѣ дѣтскихъ изданій и составила бы списокъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ для дѣтей начальной школы, а также постоянно слѣдила бы за вновь выходящими книгами. На первый разъ, въ результатѣ работъ этой комиссіи, выбиравшей пока книги только по рецензіямъ различныхъ педагогическихъ журналовъ, получился списокъ болѣе 200 названій книгъ. Списокъ этотъ, по распоряженію училищной комиссіи, напечатанъ. Затѣмъ, библіотечная комиссія приступитъ къ самостоятельному разбору всѣхъ означенныхъ сочиненій и будетъ по-

степенно пополнять списокъ вновь выходящими книгами, издавая «отъ времени до времени все болѣе и болѣе полные каталоги, съ рецензіями и необходимыми указаніями». Значеніе классныхъ библіотекъ чрезвычайно важно, въ виду развитія дѣтей и пріохоченія ихъ къ чтенію, чтобы они потомъ не забывали грамату, какъ это нерѣдко случается. Въ Америкѣ, гдѣ сдѣланы огромные успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія и гдѣ начальная школа такъ же, какъ и у насъ, трехклассная, это давно уже сознано. Тамъ чтенію книгъ отведено очень важное мѣсто и отдается чуть ли не половина всего класснаго времени. Чтеніе начинается одновременно съ обученіемъ грамматѣ. Въ первомъ классѣ для этого отводится десять часовъ въ недѣлю. Учителя и учительницы читаютъ разные интересные разсказы и отрывки изъ книгъ, заинтересовывая дѣтей и показывая имъ, для чего ихъ учатъ скучнымъ буквамъ и складамъ. Во второмъ классѣ на чтеніе отводится восемь часовъ въ недѣлю и въ третьемъ, когда ученики уже сами читаютъ вслухъ, семь часовъ. Такимъ образомъ въ дѣтяхъ образуется привычка къ чтенію, съ которою потомъ имъ уже трудно бываетъ разстаться. Словомъ, классныя библіотеки могутъ имѣть въ дѣлѣ народнаго образованія очень большую роль и устроить ихъ какъ слѣдуетъ очень полезно. Что касается до самихъ петербургских учителей и учительницъ, то для нихъ существуетъ особая библіотека при училищной комиссіи, изъ которой въ теченіи прошлаго года пользовались 99 человѣкъ, причемъ имъ было выдано 2,567 книгъ.

Обращено было вниманіе въ засѣданіяхъ учителей и учительницъ и на воспитательную сторону школьнаго дѣла (въ этомъ направленіи было внесено три реферата)—сторону весьма важную. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что гг. учащимъ приходится имѣть дѣло съ дѣтьми очень испорченными, а между тѣмъ ихъ вліяніе на нихъ въ теченіе однихъ только учебныхъ часовъ можетъ быть лишь очень ограниченнымъ. Поэтому невольно являются вопросы и о детальной разработкѣ средствъ и пріемовъ воспитанія въ начальной школѣ, и объ «исправительной школѣ», вопросъ о которой тѣсно вяжется съ вопросомъ объ интернатахъ. А устройство нѣсколькихъ интернатовъ было бы весьма полезно и не для однѣхъ только исправительныхъ цѣлей, но и для цѣлей предупредительныхъ и просто для того, чтобы дать бѣднымъ дѣтямъ, которыхъ такъ много, возможность жить и учиться. До сихъ поръ дума только освобождала бѣдныхъ дѣтей отъ платы (что, конечно, существенно не могло ихъ облегчать, такъ какъ 2 р. въ годъ и для бѣднаго человѣка не особенно большая сумма) и отчасти помогала имъ платьемъ, обувью и т. п. Кромѣ того, на помощь ей пришло учрежденное въ 1881 г. особое «Общество для пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ училищахъ»;

но средства этого общества и помощь, оказываемая имъ, такъ незначительна, что вопросъ остается открытымъ. Имѣя къ началу 1882 г. 344 члена и 10,000 р. капитала, оно выдало въ этомъ году только на 896 р. пособій (не считая пожертвованныхъ, впрочемъ, вещей). Въ настоящемъ году училищная коммиссія освободила отъ платы 455 дѣтей и снабдила ихъ пособіями на сумму 1178 р; а «Общество» выдало на одежду и обувь 267 учащимся 1758 р. Повидимому «Общество» думало уже въ указываемомъ направленіи; оно даже положило уже нѣкоторое основаніе устройству квартиръ для безпріютныхъ дѣтей, обучающихся въ начальной школѣ. На этотъ предметъ былъ собранъ капиталъ въ 5,400 р.; но такъ какъ на проценты съ такого капитала трудно было приступить къ устройству задуманнаго дѣла, то пока устроили только 4 мальчиковъ и 4 дѣвочекъ, трудъ воспитанія которыхъ приняли на себя безвозмездно учительницы В. Н. Кобыльская и Е. П. Рѣпина, къ которымъ ихъ помѣстили (отчетъ, стр. 6). Но всего этого, какъ понятно, очень мало. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, въ какой нуждѣ находятся нѣкоторыя изъ дѣтей въ ихъ семьяхъ, мы позволимъ привести нѣсколько примѣровъ, которые имѣло передъ собою «Общество для пособія бѣднымъ дѣтямъ». Вотъ что писали въ «Общество» учительницы, ходатайствуя за учениковъ:

1) «Обращаюсь въ общество для пособія учащимся оказать помощь ученикамъ коломенскаго 5-го муж. гор. училища, Николаю и Александру, такъ какъ родители ихъ находятся въ крайней бѣдности. Отецъ, дворянинъ, числится на службѣ, но жалованья не получаетъ, находится въ послѣднемъ градусѣ чахотки, вслѣдствіе чего заработывать содержаніе для семьи не можетъ. Содержитъ всю семью жена его, заработывая поденно шитьемъ, но работу имѣетъ не ежедневно. Семья состоитъ изъ пяти человѣкъ, включая сюда трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое приняты на городской счетъ въ 5-е коломенское муж. гор. училище. Въ началѣ учебнаго года оба ученика ходили въ училище въ старыхъ башмакахъ своей матери, надѣвая ихъ по очереди, такъ что, когда приходилъ въ училище одинъ братъ, другой оставался дома; съ наступленіемъ же холодовъ, обувь оказалась настолько неудовлетворительною, что посѣщать училище дѣти не могли, такъ какъ пальцы ногъ торчали изъ башмаковъ и дѣти рисковали потерять здоровье. Сверхъ того, не имѣя теплой верхней одежды, оба ученика ходили въ училище въ холодныхъ короткихъ пальто».

2) 4-го петербургскаго мужского училища: «Отецъ учащагося лежитъ уже второй годъ, разбитый параличомъ; мать, кромѣ этого сына, осталась еще съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, малъ-мала-меньше, вслѣдствіе чего не можетъ взяться ни за какую работу. Василій, (имя ученика), мальчикъ, восьми л[illegible]ъ, получилъ мѣсто при выдачѣ билетовъ на мытнинской пароходной прист[illegible]и заработываетъ 10 руб. въ мѣсяцъ и, кромѣ этихъ грошей, доставляе[illegible]ъ семьѣ восьмилѣтнимъ работникомъ, они ничего не имѣютъ. Ребенокъ [illegible]-дается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ обуви, а главное—въ обученіи, котор[illegible]о онъ лишился вотъ уже четвертый мѣсяцъ. Учиться онъ желаетъ силь[illegible] и

плачетъ, что отсталъ отъ товарищей; еслибъ можно было платить семьѣ хоть сколько-нибудь, чтобъ только его не эксплуатировали за эти два года, то это было бы всего лучше. Въ крайнемъ случьѣ, даже и теплая одежда, крѣпкая обувь и т. д. будетъ для него благодѣяніемъ».

Затѣмъ слѣдуетъ: «Александра — дочь солдата. Отецъ ея столяръ, содержалъ семью, изъ жены и четырехъ дѣтей, работою, потомъ сошелъ съума»; «отецъ одной изъ учащихся служитъ писаремъ въ синодѣ, но заработокъ его весь удерживается въ уплату прежде сдѣланнаго долга; семья ужасно бѣдствуетъ. Зайдя къ нимъ, я застала ужасную сцену: умирающаго ребенка и всю семью въ слезахъ, безъ копейки денегъ» и т. д., и т. д., Ясное дѣло, что десятирублевыми пособіями тутъ не особенно много сдѣлаешь.

Но возвратимся къ городскимъ училищамъ и укажемъ на одинъ существенный пробѣлъ въ самой ихъ постановкѣ. Пробѣлъ этотъ касается главнымъ образомъ дѣтей уже кончающихъ въ нихъ курсъ, которыя выпускаются на всѣ четыре стороны и образованіе которыхъ такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ кончается. Низшая школа не должна быть отрѣзана отъ другихъ, среднихъ и высшихъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіальныхъ учебныхъ заведеній, и должна быть приведена съ ними въ такую связь, чтобы ученики, по крайней мѣрѣ, наиболѣе даровитые, могли продолжать ученіе. Такимъ образомъ гибнетъ очень много полезныхъ силъ; мало того, такимъ образомъ самое дѣло народнаго образованія становится на неправильный путь, послѣдствія котораго мы можемъ видѣть, напр., въ Германіи, гдѣ, несмотря на обязательное обученіе, дѣло народнаго образованія не даетъ желательныхъ результатовъ и гдѣ является на сцену вопросъ объ «одичаніи». Ограничивая начальное обученіе только граматностью, которая одна еще очень немного даетъ человѣку и скоро забывается, нѣмцы отдѣлили народную школу отъ другихъ школъ не не умышленно вовсе, а въ силу соображеній той же самой скучной внутренней политики, которая проповѣдуетъ аристократизмъ знанія и желаетъ держать массу въ невѣжествѣ. Полагаемъ, что подражать этой политикѣ намъ не слѣдуетъ. Не лучше ли будетъ привести нашу школу въ прямую связь съ средними и высшими учебными заведеніями, въ особенности земледѣльческими и техническими, и направлять затѣмъ выходящихъ оттуда и вооружившихся знаніемъ людей въ жизнь, на помощь народу.

Позволю себѣ, въ заключеніе, привести новѣйшія данныя объ успѣхахъ народнаго образованія въ Америкѣ, которыя «Новое Время» (№ 2798) заимствуетъ изъ отчета M. Loizillan министру народнаго просвѣщенія. «Общественныхъ школъ въ этой странѣ 188,918; ихъ посѣщаютъ 9.729,189 учениковъ, въ нихъ препо-

даютъ 280,812 лицъ, изъ которыхъ большая часть—учительницы. Кромѣ того—тамъ существуютъ 220 учительскихъ семинарій съ 25,736 воспитанниками; 2,162 высшихъ школъ съ 196,499 учениками; 744 факультета съ 64,720 студентами и 227 высшихъ женскихъ курсовъ съ 19,442 слушательницами. Всѣ Штаты съ суммѣ расходуютъ на народное образованіе въ однѣхъ элементарныхъ школахъ 81.795,929 долларовъ, т. е. около 180 мил. кредитныхъ рублей».

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ»

1883 г.

(По общей нумерации тома CCLXIX).

Ноябрь № 11.

Декабрь № 12.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ноябрь № 11.

Декабрь № 12.